

Гу Лянвэй оказалась права. Сюй Гуанчуань, конечно же, не собирался отказываться от имени своего сына. Когда раскопки древней гробницы в посёлке Инь завершатся успехом, имя Сюй Ци, наряду с именами Лао Гу и Гу Лянвэй, будет записано в списке погибших сотрудников Академии наук, чтобы смерть Сюй Ци была воспринята как жертва ради науки. Сюй Ци погиб в гробнице, и его тело так и не нашли. Единственное, что мог сделать Сюй Гуанчуань, — это придать имени своего сына некую ценность.

Выражение лица Юэ Чжоу было мрачным, даже более мрачным, чем у униженного Сюй Гуанчуаня. Учитель, которого она всегда почитала, оказался не тем праведным человеком, каким всегда казался. Это было трудно принять. Их отношения с Сюй Гуанчуанем не ограничивались простыми учителем и учеником; годы общения сблизили их до уровня почти отца и дочери, поэтому удар был ещё сильнее.

Лицо Сюй Гуанчуаня исказилось. Он пристально смотрел на Гу Лянвэй, и на мгновение в его глазах мелькнула злоба.

Гу Лянвэй, наблюдая за ним, конечно же, не пропустила эту ненависть.

Это было ожидаемо. Гу Лянвэй не удивилась. Учитывая характер Сюй Гуанчуаня, увидев, что она жива, а Сюй Ци мёртв, даже если он погиб из-за самого Сюй Гуанчуаня, тот всё равно направит свою ненависть на Гу Лянвэй.

Человеческая природа эгоистична, и Сюй Гуанчуань был именно таким. Это Гу Лянвэй поняла уже много лет назад.

Она вздохнула про себя, понимая, что Сюй Гуанчуань не оставит её в покое.

Гу Лянвэй с грустью взглянула на задумчивую Юэ Чжоу.

Сейчас она уже догадывалась, что Сюй Гуанчуань вернулся именно из-за Юэ Чжоу.

После того как в Гробнице императорской наложницы она оказалась под воздействием Зеркала Чжэян, одна из ламп Ян на её плече погасла, а другая едва теплилась. Она уже считала, что прожить полжизни — это большая удача. Вернувшись, Гу Лянвэй решила, что просто жить — это уже хорошо. Она спокойно жила в деревне Учжуан, заботясь о своей бабушке, единственной родной душе, которая всё ещё о ней заботилась. Она думала, что сможет так прожить всю жизнь, по крайней мере, чтобы успеть проявить сыновью почтительность к бабушке.

Но она не ожидала, что Сюй Гуанчуань, решив, что его обман удался, осмелится вернуться.

Когда Сюй Гуанчуань пришёл, Гу Лянвэй не было дома. Она была у реки, любуясь пейзажем. Вернувшись, она узнала, что он только что ушёл. Время было настолько удачным, что бабушка Гу чуть не заплакала от облегчения и сразу же отправилась к алтарю Духа-хранителя дома, чтобы зажечь три благовония. Услышав об этом, Гу Лянвэй тоже почувствовала себя счастливой.

Но она не ожидала, что Юэ Чжоу станет той самой переменной. Увидев Юэ Чжоу, фотографирующую у реки, она не придала этому значения. Ведь туристы часто фотографировали её. Но она не ожидала...

Если бы Юэ Чжоу не пришла вместе с Сюй Гуанчуанем, он бы уже сел на автобус до Куньмина и больше никогда не вернулся, так и не узнав, что Гу Лянвэй вернулась к жизни.

Что ж, судьба непредсказуема.

Гу Лянвэй посмотрела на Юэ Чжоу и с горькой усмешкой подумала, что, видимо, эта ученица Сюй Гуанчуаня и она — заклятые враги.

Теперь, когда Сюй Гуанчуань обнаружил, что Гу Лянвэй жива, жизнь в семье Гу уже не будет спокойной. Она отыгралась на нём, избив его, но на этом всё и закончилось. Как и думала упрямая Юэ Чжоу, Гу Лянвэй, как бы она ни хотела убить Сюй Гуанчуаня, не могла действительно пойти на убийство.

Единственный способ заставить Сюй Гуанчуаня оставить семью Гу в покое — это отправиться с ним в посёлок Инь.

Бабушка Гу, конечно же, была категорически против.

Гу Лянвэй утешала её:

— Бабушка, Сюй знает, что я жива. Он не оставит нас в покое. Если я не пойду, он будет постоянно нас преследовать.

Бабушка Гу, с покрасневшими глазами, уже срывающимся голосом, сказала:

— Вэйвэй, ты не можешь идти! Если ты пойдёшь, что будет, если что-то случится? У меня только ты одна, моя дорогая внучка, ты не можешь идти!

— Бабушка, если ты беспокоишься, погадай для меня, — тихо сказала Гу Лянвэй, обнимая бабушку за плечи и утешая её.

— Нет, нет, нельзя гадать! А если ошибёмся? — Бабушка Гу заволновалась, как ребёнок.

— Ладно, не будем гадать. Бабушка, не волнуйся, со мной всё будет хорошо. Я сильная, — спокойно утешала её Гу Лянвэй, опираясь на плечо бабушки. — Ты же знаешь это.

Юэ Чжоу и Сюй Гуанчуань всё ещё сидели в главной комнате. Они слышали доносящиеся из задней комнаты звуки. Юэ Чжоу была подавлена. Она уже поняла, что если бы она не была так настойчива, показывая фотографии Сюй Гуанчуаню, он бы не вернулся.

Слыша плач бабушки Гу, Юэ Чжоу нахмурилась, чувствуя себя очень неловко.

Сюй Гуанчуань, однако, не выглядел виноватым. Он посмотрел в сторону ширмы, ведущей в заднюю комнату, и, видя, что Гу Лянвэй не скоро появится, воспользовался моментом, чтобы тихо сказать Юэ Чжоу:

— Юэ Чжоу, не верь ей. У неё проблемы с головой.

Юэ Чжоу с удивлением посмотрела на Сюй Гуанчуаня, уже не зная, что сказать.

Сюй Гуанчуань, словно одержимый, продолжал:

— Иначе почему она единственная молодая в этом посёлке? Юэ Чжоу, ты не должна верить ни одному её слову.

— Тогда почему ты ничего не сказал в ответ? — хотела спросить Юэ Чжоу, но она всё ещё уважала Сюй Гуанчуаня и не хотела ставить его в неловкое положение. Слушая, как он

повторяет это снова и снова, она чувствовала себя усталой. Сюй Гуанчуань был её наставником, и она, конечно, не хотела верить, что он такой, каким его описывала Гу Лянвэй. Но она не была глупой.

— Я не поверю ей, — вздохнула Юэ Чжоу.

Она посмотрела на дерево османтуса во дворе, где чёрная кошка точила когти на ветке.

— Профессор, я, конечно, верю тебе.

Услышав обещание Юэ Чжоу, Сюй Гуанчуань наконец успокоился.

Юэ Чжоу подумала, что, конечно, хотела бы верить Сюй Гуанчуаню.

Небо уже начинало темнеть. Даже если Гу Лянвэй решила отправиться с Сюй Гуанчуанем в посёлок Инь, они не могли выехать сразу. Они остались на ночь в доме Гу, чтобы отправиться на следующий день.

Вечером бабушка Гу приготовила два вегетарианских блюда, почти не посолив их. Неизвестно, было ли это из-за её рассеянности или просто из-за вкусовых предпочтений. Гу Лянвэй была достаточно вежлива, чтобы не оставить Сюй Гуанчуаня и Юэ Чжоу голодными, и налила каждому по тарелке риса. Однако бабушка Гу не могла есть. Она съела несколько кусочков, затем положила палочки и с грустью ушла в заднюю комнату. Гу Лянвэй на мгновение остановилась, заметив, что Юэ Чжоу осторожно ела рис, не решаясь трогать блюда. Она подвинула тарелку с едой к Юэ Чжоу и сказала:

— Ешь.

Только тогда Юэ Чжоу осмелилась взять пару кусочков. Сюй Гуанчуань, однако, ел без зазрения совести, несмотря на то что недавно получил от семьи Гу. Он ел с аппетитом, словно испытывая странное возбуждение.

Гу Лянвэй не стала обращать на него внимания. Закончив есть, она вышла во двор, чтобы поупражняться с мечом. Её движения были плавными и мощными. Юэ Чжоу, зная своё место, решила не вмешиваться, но, услышав звуки меча, разрезающего воздух, быстро доела рис и подошла посмотреть. Она застыла, заворожённая. Гу Лянвэй закончила упражнение, сделав завершающий взмах мечом. Она использовала не меч Тайцзи, а тяжёлый меч из чёрной меди. Когда Гу Лянвэй закончила, Юэ Чжоу очнулась и, зачарованно глядя на меч, спросила:

— Ты можешь показать мне этот меч?

Юэ Чжоу уже заметила, что рукоять меча, сделанная из грушевого дерева, была тёмной от долгого использования, как будто это был старинный артефакт. Лезвие меча было отполировано до блеска, что говорило о заботе владельца.

Юэ Чжоу немного боялась этого меча, особенно когда он был в руках Гу Лянвэй, но он явно был древним артефактом. Юэ Чжоу не могла устоять перед таким искушением и очень хотела рассмотреть его поближе.

Гу Лянвэй, закончив упражнение, была покрыта мелким потом и тяжело дышала. Она холодно посмотрела на Юэ Чжоу.

За спиной Гу Лянвэй находилась Стена духов «Пасть тигра». Юэ Чжоу случайно увидела её и

вдруг осознала, что сказала что-то не то. Она испугалась, что Гу Лянвэй ударит её, как ударила Сюй Гуанчуаня. Но, к её удивлению, Гу Лянвэй согласилась.

— Можно, — сказала Гу Лянвэй.

Видя, что Юэ Чжоу всё ещё стоит в оцепенении, она протянула меч в её сторону.

— Смотришь?

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16246/1460867>